

Покончив с делами в мгновение ока и раздав последние указания, Чэн Янь вихрем помчался домой.

У ворот Чу Вана не оказалось — как выяснилось, его уже пригласили внутрь. Зайдя в главный зал, Чэн Янь застал отца и друга за увлеченной беседой. Вернее, это Чэн Цайцзюнь распинался перед гостем, не жалея красок.

— ...Мой старший сын в академии хлопот доставил немало, но кто же знал, что этот сорванец разом взлетит на второе место и прославит наш род! Пусть сейчас он и оставил книги, но толк в нем есть — я полностью доверил ему управление рестораном...

— Отец! — Чэн Янь поспешно вмешался, обрывая этот поток самохвальства.

Одно дело — слышать о подобных речах со стороны, и совсем другое — когда тебя превозносят прямо в лицо, да еще и перед Чу Ваном. От смущения у юноши даже уши запылали. Увидев вошедшего, гость тут же вскочил, заметно нервничая.

— Я не слишком тебя отвлек? — неловко спросил он.

— Вовсе нет! — поспешил заверить его Чэн Янь.

Судя по тому, как расписывал его таланты Цайцзюнь, можно было подумать, что молодой господин трудится не покладая рук на благо всей империи.

Отец, неспешно обмахиваясь веером, поднялся с кресла:

— Раз уж друг пришел к тебе по делу, не буду мешаться. Принимай гостя как следует.

Чэн Янь, не тратя времени, подхватил Чу Вана за руку.

— Ничего, отец, вы отдохайте! Я отведу Чу Вана к себе.

Не дав другу и слова вымолвить против, он потащил его за запястье во внутренние покои. Лишь когда они оказались в пустынном коридоре, юноша высвободил руку и изумленно уставился на Чэн Яня.

— Ты... как ты мог так поступить?

— Как «так»? — невинно переспросил тот.

Собеседник отвел взгляд и промолчал. Как мог Чэн Янь так бесцеремонно хватать его за руку на глазах у отца! В душе юноши боролись робость и волнение. Хотя он и понимал, что господин Чэн вряд ли заподозрит неладное, на сердце всё равно было беспокойно.

Они миновали несколько поворотов и вышли в уютный дворик Чэн Яня. Обитель его была проста: посреди двора росло лишь одно старое раскидистое дерево, и никакой лишней вычурности.

Едва они вошли в дом, хозяин подозвал своего слугу:

— Ступай на кухню, принеси чего-нибудь перекусить.

— Не нужно... — попытался возразить Чу Ван, но осекся под строгим взглядом друга.

Слуга проворно исчез, а Чэн Янь повернулся к гостю:

— Сейчас только полдень. Чтобы добраться сюда, тебе пришлось потратить полдня. Значит, ты вышел на рассвете и до сих пор маковой росинки во рту не держал?

Чу Ван замер, пораженный пронизательностью друга, и лишь затем кивнул. Раз уж Чэн Янь всё понял, отнекиваться было бессмысленно.

Чэн Янь уселся рядом с ним.

— Ты примчался ко мне с такой поспешностью... верно, не только потому, что соскучился? Хотя не виделись мы всего два дня, для меня это — словно вечность.

— Нет! — Чу Ван поспешно возразил шепотом. — Пожалуйста... не говори так громко...

— Во дворе никого нет, не бойся, — Чэн Янь лишь беззаботно пожал плечами.

Юноша, впервые оказавшись в доме Чэн, чувствовал себя не в своей тарелке. Видя его скованность, Чэн Янь перестал паясничать и мягко произнес:

— Рассказывай, что стряслось?

Чу Ван поднял на него взгляд. В глубине его обычно спокойных глаз плескалась беспросветная, тяжелая скорбь.

— Чэн Янь, — голос его дрогнул от бессилия, — ты не мог бы одолжить мне денег?

— Молодой господин, обед подан!

Чэн Янь резко обернулся к влетевшему в комнату слуге и процедил сквозь зубы:

— Теперь я вижу, что имя Цзифэн тебе дали не зря.

— Благодарю за похвалу, господин! Ваше умение давать имена — выше всяких похвал! — льстиво отозвался слуга.

Чэн Янь лишь досадливо махнул рукавом:

— Раз принес — накрывай. — Заметив, что тревога в глазах Чу Вана стала почти осязаемой, он тихо добавил: — Сначала поешь, а потом поговорим.

Почувствовав аромат блюд, Чу Ван ощутил острую, саднящую пустоту в желудке и вынужден был согласиться.

Когда стол был накрыт, Чэн Янь выставил излишне ретивого слугу вон и плотно закрыл двери. Он сам принялся подкладывать другу еду, не переставая расспрашивать:

— Говори же, что случилось? Пока не узнаю, кусок в горло не полезет.

Чу Ван покорно замер, позволяя другу ухаживать за собой, и лишь спустя время опомнился.

— Я... я сам справлюсь!

Чэн Янь решительно покачал головой:

— Ты наверняка проголодался. Сначала выпей супа, нужно согреть желудок.

Жаль, что они были в поместье, а не в академии — здесь он не мог притвориться, что посуды не хватает, чтобы заставить друга пить из одного бамбукового стакана.

Чу Ван сделал глоток. Глядя на круги жира, плавающие в чаше, он медленно заговорил:

— Моя мать больна. Я хочу нанять лучшего лекаря в уезде и отвезти его в деревню.

Раздался резкий грохот — палочки для еды выскользнули из рук Чэн Яня.

Чу Ван растерянно поднял голову и увидел, как тот суматошно пытается их поднять. Юноша недоуменно захлопал глазами: он не ожидал, что Чэн Янь отреагирует на его беду так бурно.

Чу Ван вкратце поведал о том, что застал дома два дня назад. Его отец ушел из жизни рано, и мать в одиночку тянула хозяйство, надрываясь на полях, чтобы вырастить сына. Годы непосильного труда подкосили её, а когда сын уехал учиться, скрытые недуги окончательно взяли своё.

Вернувшись, Чу Ван обнаружил, что мать парализована. Она лежала в постели, не в силах даже пошевелиться. Поскольку она была вдовой и жила на отшибе, односельчане редко заглядывали к ней. Если бы Чу Ван не вернулся вовремя, последствия были бы непоправимы.

— ...В деревне есть один лекарь, — Чу Ван шмыгнул носом, и голос его сорвался на хрип, — он осмотрел её, но сказал, что ничем помочь не может. Велел... велел готовиться к похоронам.

Юноша крепко зажмурился, сжимая переносицу пальцами и из последних сил сдерживая слезы. Чэн Янь молча выслушал его, а затем резко притянул к себе и крепко обнял, ободряюще похлопывая по плечу.

— Не бойся, — глухо произнес он. — Я поеду с тобой.

Чу Ван понимал, что положение матери критическое. Он хотел нанять в деревне повозку, чтобы отвезти её в город, но возница наотрез отказался, сочтя это дурной приметой. К тому же дорога была настолько разбитой, что сын побоялся везти больную через ухабы.

Ему ничего не оставалось, как вернуться в Битань и попытаться найти искусного врача, который согласился бы поехать в деревню Чу. Но его скромных сбережений не хватило бы даже на то, чтобы просто уговорить городского лекаря на дальний выезд. Единственным, к кому он мог обратиться за помощью, был Чэн Янь.

Оказавшись в объятиях друга, Чу Ван не стал отстраняться. Когда буря в душе немного утихла, он выпрямился и тихо покачал головой:

— Не нужно. Ты сейчас и так по горло в делах. Я справлюсь сам.

— На самом деле, — серьезно произнес Чэн Янь, — я весьма искусен во врачевании.

Даже в своем горе юноша не смог сдержать изумления. Помолчав, он выдохнул:

— Сейчас не время для шуток.

Чэн Янь взял его лицо в ладони, заставляя смотреть себе в глаза.

— Во всем уезде Битань не сыщется лекаря искуснее меня. Даже те, кого нанимает мой отец, — сущие неучи.

Чу Ван опешил.

— Ты... ты болен?! — выпалил он первое, что пришло в голову.

Чэн Янь негромко рассмеялся:

— Был болен, но сам себя исцелил. Поверь мне, я никогда не стал бы шутить такими вещами.

Чу Ван замялся. Глядя в решительное лицо друга, он чувствовал, как в сознание закрадывается безумная, иррациональная надежда. Тихий голос в голове шептал: «Поверь ему, он тебя не обманет».

Когда Чу Ван наконец согласился взять его с собой, Чэн Янь заметно расслабился.

— Сначала поешь, а потом сразу в путь.

Чу Ван послушно закивал. По правде говоря, увидев мать в таком жалком состоянии и услышав «смертный приговор» от деревенского знахаря, он почти отчаялся. Но Чэн Янь всегда умел творить чудеса. А вдруг... вдруг он и впрямь сможет спасти её?

Юноша уже и не помнил, когда ел в последний раз, и теперь, подбадриваемый другом, принялся за еду с удвоенной скоростью.

Чэн Янь же к еде больше не прикоснулся. Он подошел к столу и быстро набросал список трав. Подозвав слугу, он велел ему немедленно принести всё необходимое из кладовых поместья, а чего не найдется — докупить в лучших аптеках города. Глядя на сосредоточенный вид друга, Чу Ван окончательно уверился: тот не бросает слов на ветер.

Сюжет о смерти матери Чу Вана фигурировал и в изначальной версии истории, но там всё случилось позже и куда трагичнее. В том мире женщина скончалась в одиночестве, и лишь когда по округе пошел смрад разлагающегося тела, соседи обнаружили её. Чу Вана тогда и вовсе не было в уезде — он находился в округе Цанбэй.

Вернувшись и узнав о несчастье, он не успел даже попрощаться. Деревенские жители еще и потребовали с него плату за похороны. Бедняга из последних сил собрал нужную сумму, но выяснилось, что тело матери из-за «неприглядного вида» просто выбросили в общую яму на заброшенном кладбище в десятках ли от деревни. У него не осталось даже могилы, куда можно было бы прийти поплакать.

В то время Чу Ван и так страдал от бесконечной клеветы в академии, а его успехи стремительно падали. Смерть матери стала последней каплей. Потеряв всякую надежду, он покончил с собой.

Чэн Янь не был уверен, что сможет спасти женщину — даже в век высоких технологий существуют болезни, перед которыми медицина бессильна. Но он обязан был попытаться. Несмотря на то что ход событий изменился, мысли о финале оригинала заставляли сердце Чэн Яня сжиматься от тревоги.

Оба торопились. Собрав редкие лекарства и наспех упаковав вещи, они направились к выходу. Слуга, завидев их, в ужасе возопил:

— Молодой господин! Неужели вы решили сбежать из дома?!

Чэн Янь одарил его тяжелым взглядом.

— Глупости. У меня есть важное дело.

— Тогда возьмите меня с собой! Я буду присматривать за вами в пути!

Чэн Янь покачал головой:

— Нет. Ты будешь только мешаться.

Слуга едва не разрыдался, глядя им вслед с таким видом, будто его навсегда покинули. Чэн Янь понимал, что в хижине Чу Вана и без того тесно, а лишние глаза и уши им ни к чему.

Чу Ван же только сейчас осознал: Чэн Янь вырос в роскоши, привык к услугам слуг и неге. А его родная деревня бедна, не говоря уже о старом домишке, где они живут с матерью...

Замявшись, он потянул друга за рукав.

— Знаешь... может, тебе не стоит ехать?

Чэн Янь обернулся:

— О чем ты беспокоишься?

Чу Ван боялся задеть его самолюбие, но еще больше страшился того, что изнеженный богач не вынесет тягот деревенской жизни или, что еще хуже, выкажет брезгливость.

— Моей матери... вряд ли станет лучше. Не стоит тратить время на пустую поездку... — с трудом выдавил он.

Чэн Янь резко перехватил его руку, сжимая ладонь так крепко, как никогда прежде.

— Не говори глупостей! Если мы не поторопимся, ты будешь жалеть об этом до конца своих дней, каким бы ни был исход!

Чу Ван замер, не в силах возразить. Чэн Янь, не дожидаясь ответа, потащил его к выходу. В дверях они столкнулись с Чэн Цайцзюнем.

Не зная, сколько времени его не будет, юноша быстро бросил отца:

— Отец, в семье Чу Вана беда, я уезжаю с ним. Какое-то время меня не будет. Присмотрите за делами в ресторации, я постараюсь вернуться как можно скорее!

И, не дав отцу опомниться, он выбежал за ворота. Цайцзюнь долго стоял в оцепенении, а затем растерянно спросил служанку:

— Ты слышала, что он сказал?

Знай Цайцзюнь об истинной природе их отношений, он наверняка бы подумал: «Жену нашел — об отце забыл».

У городских ворот Чэн Янь нанял повозку за баснословную цену, чтобы возница согласился сделать крюк до деревни Чу. Всю дорогу он не выпускал ладонь Чу Вана из своей. Он чувствовал, какая она ледяная, и как бьет его друга мелкая дрожь. Юноша лишь неустанно шептал слова утешения:

— Скоро приедем. Вот увидишь.

Чу Ван натянуто улыбался, не в силах ответить. Его мысли путались, сменяя одна другую в безумном хороводе.

Когда они добрались до места, уже стемнело. Тряска на разбитых горных тропах оказалась суровым испытанием для изнеженного тела Чэн Яня. К концу пути его так укачало, что он не выдержал — его мутило и рвало всю дорогу. В итоге Чу Вану пришлось самому заботиться о спутнике.

Ступив на землю, Чэн Янь пошатнулся — ноги казались ватными. Если бы Чу Ван вовремя не подхватил его, он бы рухнул прямо в дорожную пыль.

— Тебе всё еще плохо? — с тревогой спросил Чу Ван, поддерживая его. — Снова тошнит?

Чэн Янь лишь слабо махнул рукой. Сделав несколько глубоких вдохов, он пришел в себя.

— Всё в порядке. Ко всему можно привыкнуть.

— Прости... это я во всем виноват... — в голосе Чу Вана слышалось непритворное раскаяние.

Чэн Янь одарил его строгим взглядом. Несмотря на бледность и изможденный вид, взор его был властным, заставив Чу Вана осечься.

— Хватит нести чепуху.

В деревне царил тишина: сельчане привыкли ложиться с закатом. У входа никого не было. Чу Ван повел друга в обход центральных улиц, к самой окраине, вдоль заросшей канавы.

— Мы живем на западе, у самого леса, — пояснял он на ходу. — Наш дом совсем ветхий и тесный, вещей почти нет... Боюсь, ночевать тебе будет... неудобно.

Чэн Янь лукаво прищурился:

— И в чем же неудобство?

— В доме нет лишних комнат, — Чу Ван смущенно теребил рукав. — Тебе придется... спать вместе со мной.

Чэн Янь вновь перехватил его руку и, наклонившись к самому уху, прошептал:

— Если бы ты пришел в мой дом, то, даже будь у меня сотня свободных комнат, тебе всё равно пришлось бы спать только со мной.

Слово «пришлось» прозвучало в его устах совсем иначе. Чу Ван осознал смысл сказанного лишь через пару шагов. Он порывисто выдернул руку и едва не закрыл лицо рукавом, радуясь, что в скудном лунном свете не видно его пылающих щек.

— Идем скорее! — выпалил он, понимая, что в споре с Чэн Янем ему никогда не выйти победителем.

Тот лишь негромко рассмеялся и последовал за ним. Спустя двадцать минут они подошли к жилью, но тишину ночи внезапно пререзали громкие крики.

Чу Ван нахмурился. Чэн Янь, заметив перемену в лице друга, спросил:

— Что такое? Что-то не так?

— Дальше только наш дом, — встревоженно отозвался юноша. — Откуда в такой час здесь люди?

Сердце его пропустило удар. Его не было всего день — что могло случиться с матерью?!

Чу Ван со всех ног бросился вперед. Чэн Янь поспешил за ним. Приблизившись, они увидели толпу с факелами. Около десятка человек столпились у порога хижины, яростно о чем-то споря. Сквозь общий шум донесся звонкий женский голос:

— Эту курицу первая увидела я! Значит, она моя! Ты уже заграбастала две сушеные рыбины и всё тебе мало, бесстыжая морда!

Ей тут же ответил грубый мужской бас:

— Ли Цюфан, рот прикрой! Курица — это тебе не хвост соленый! Раз все пришли, значит, делим поровну. И не надейся всё в одну глотку сожрать!

Чэн Янь уже хотел уточнить у Чу Вана, действительно ли это его дом, но тот, с покрасневшими от ярости глазами, выскочил вперед и закричал:

— Что вы устроили у моих дверей?!

<http://bllate.org/book/15870/1444107>